

УДК 811.352.3

DOI:10.35330/1991-6639-2020-4-96-111-117

АЛГОРИТМ ПЕРЕВОДА ФОЛЬКЛОРНОЙ ПЕСНИ И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

С.М. АЛХАСОВА

Институт гуманитарных исследований –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы культурологической переводимости фольклорного текста с кабардино-черкесского на русский язык на трех уровнях, выявляется его алгоритм. Речь идет о том, что в культурах различных народов в силу универсальности и закономерности человеческого мышления, рода деятельности и т.д. многое является общим. Отмечается, что из-за разной среды обитания, различных исторических условий развития, помимо общего, в культурах разных народов многое является специфическим, принадлежащим только одному этносу. Это и составляет национальную культуру. Новизна исследования видится в том, что автор ищет пути решения проблемы передачи и сохранения специфики национальной культуры при переводе фольклора с одного языка на другой.

Особое внимание уделяется границам решения проблемы национально-культурных различий исходного языка оригинала и языка перевода. Доказывается, что эти границы находятся на трех уровнях алгоритма перевода: первый алгоритм выявляется при сопоставлении стилистики и семантики; второй – при культурологической совместимости путем культурно-этнического преобразования произведения; третий – при поэтическом соответствии. Адекватная мера семантической, культурной и поэтической адаптации перевода находится где-то посередине.

В качестве примера приводятся фрагменты фольклорных текстов из книги Ш.Б. Ногма «Филологические труды».

Ключевые слова: фольклор, этнос, специфика перевода, современная наука, кабардино-черкесский язык, поэтика фольклора.

Фольклорный текст можно подразделить на первозданную матрицу, создававшуюся народным творчеством веками, и другую, более современную матрицу, созданную переводчиком. Вторая матрица есть адекватное отражение оригинала. В качестве примера для анализа мы взяли песню «Епископ». Перевод этой песни Шорой Ногмовым – это есть «вторая матрица» фольклорной песни «Епископ» [4, с. 44-46].

Как первая матрица, так и вторая находят своё отражение в языках: русском и кабардино-черкесском. Они описываются с помощью языков в текстах. Это явления духовной культуры или же явления, которые могут быть адекватно интерпретированы только в контексте определённой культуры. Но культурологическая переводимость фольклора, как известно, имеет свои границы. Поэтому перевод фольклорного текста в большинстве случаев представляет собой практически непреодолимое препятствие на пути достижения эквивалентного перевода. Если при переводе фольклорного текста происходит утеря части информации, это допустимо в определенных пределах. Однако, когда происходит сглаживание национально-культурной специфики сверх меры, следует прибегать к пересказу или к адаптивному переложению текста. Адыгские переводчики фольклора XIX века уже пытались использовать подобные методы перевода.

Возьмем для примера кабардинские народные исторические песни и сказания, записанные Ш.Б. Ногмовым. Приведенные ниже тексты переведены на русский язык господ-

ствовавшими в то время способами вольного и буквального перевода. «Как показывает история, художественный перевод колеблется между двумя крайними принципами: дословно точный, но художественно неполноценный перевод; и далекий от оригинала, вольный перевод. Теоретически нет ничего легче, как синтезировать эти два принципа и объявить идеалом точно воспроизводящий оригинал и художественно полноценный перевод. Но на практике подобный синтез невозможен: два различных языка пользуются совершенно различными средствами для выражения одной и той же мысли. Дословная точность и художественность оказываются в постоянном противоречии друг с другом. Возникает необходимость найти способ диалектического разрешения этого противоречия. ...Нужно определить содержание понятия «перевод», определить закономерности нарушения дословной точности во имя художественности и, наоборот, определить закономерности нарушения художественности ради дословной точности. Цель, стремление к которой уравнивает степень обоих этих нарушений, есть максимально возможная передача единства формы и содержания оригинала на другом языке» [4].

Вот песня «Щихънагъ» («Епископ»). Эту песню Ш.Б. Ногмов приводит как одно из свидетельств существования среди адыгов (черкесов) христианства:

Уэ, щихънагъыри ди къан,
Щихънагъыри ди нэху,
Тхъа зи къаныр мэхасэ,
И хасэпIэри IуэщхъэцIэщ*.
Ар, IуэщхъэцIэ щыгумэ
Къухур уннэгугэ щихуэщ
Дыжьыныр бжьаблэгугэ щигъэжщ,
ТхъэIухудхэр щохасэри [4, с. 44].

Перевод на русский Г. Турчанинова:
О, Епископ (он самый) наш покровитель,
Епископ (он самый) наш свет,
Бога, который *приемником* судит,
И его суда место Ошхаца есть.
О! Ошхаца (на) верхушке,
Кость белая домом где воздвигнута,
Серебро дверными устоями где отлило,
И ангелы где совещаются [4, с. 44].

Перевод с одного языка на другой невозможен без грамматических, лексико-семантических и стилистических изменений. Как известно, процесс перевода начинается с анализа текста, когда переводчик стремится как можно полнее уяснить смысловое содержание текста, а затем уже приступает к собственно переводу. Понимание и перевод представляют собой психологические и лингвистические процессы, которые не всегда дифференцируются переводящим. Глубокое понимание текста не всегда достигается даже при чтении на родном языке, не говоря уже об инородном. И особенно в тех случаях, когда переводчик недостаточно владеет одним из двух языков.

В литературном переводе, выполненном Г. Турчаниновым, произведена лексическая трансформация, которая полностью исказила значение всей фразы: вместо слова «приемник» (то есть «приёмный») в ногмовском дословном переводе автор литературного перевода поставил «преемник», то есть «наследник».

* Текст фольклорной песни приводится так, как это записано в «Филологических трудах» Ш.Б. Ногмова: «IуэщхъэцIэщ», «IуэщхъэцIэ», «уннэгугэ» и др. Они отличаются от современного написания данных слов.

Особо следует сказать о семантике слова «махасэ» – «хасэ»: «-ма» – это формант местоимения единственного числа третьего лица. В указанной песне «Шихънагъ» («Епископ») слово «хасэ» встречается трижды в разной грамматической форме:

1. И *хасэпІэри* ІуэщхъацІэщ.
2. Тхъэ зи къаныр *махасэ*.
3. ТхъэІухудхэр *щохасэри*.

Как видим, в этих вариантах, как в дословном, так и в литературном, слово «хасэ» переводится совершенно по-разному. Ср.:

1. Суда место верх Ошхаца.
2. Суд рядит преемник бога.
3. Тхаухуд где *обитают*, – это *литературный перевод*.

И *дословный (буквальный) перевод*:

1. И его *суда место* Ошхаца есть.
2. Бога, который приемником *судит*.
3. И ангелы где *совещаются*.

Если в первых двух вариантах – и в дословном, и в литературном – «хасэ» переводится как «суд», «судить», то в третьем варианте в буквальном переводе оно дано как «совещание», « совещаются». В литературном переводе – «обитают». Надо сказать, что в современных текстах лексема «хасэ» не переводится. Но в фольклорных текстах эта лексема очень часто встречается. Ср.:

Еушыгуэуэри уошэс – взнуздав лошадь, скачешь,
Нарт *хасэ* уахохъэ – на *собрание* (совет) нартов ты едешь.

Из приведенного примера ясно, что «хасэ» в старину употреблялось в значении «совет», «собрание», но не «суд». Почему же автор буквального перевода Ш.Б. Ногмова переводит слово «суд», и автор литературного перевода ему тут же вторит? Может быть, при Шоре Ногмове это слово употреблялось в таком значении? Это вызывает сомнения, потому что ни в одном из диалектов адыгских языков оно не встречается в этом значении, следовательно, нет тому доказательства. А потому и «хасэпІэ» не означает «место суда». Оно означает «место хасы» или «место собрания», «место совета». Как живое слово встречается в значении «совет», «собрание», «совещание». «Хасэ» как живое слово функционирует сегодня во всех адыгских (кабардино-черкесском, адыгейском) языках именно в этом значении. Что же касается третьего варианта литературного перевода, то здесь семантическая структура слова совершенно расходится с оригиналом. Перевод вольный и неверный: «хасэ» переведено как «*обитают*».

По неизвестным причинам Г. Турчанинов не перевел слово «тхъэІухудхэр» (тхъэІухудхэр щохасэри). В современном языке оно означает «красавица». В фольклоре же известно как «фея», «ангел».

В художественном варианте перевода произведена стилистическая модификация: вместо единицы одного лексического пласта – стилистически нейтральной лексики – в переводе оказалась единица, относящаяся к другому стилистическому пласту – фразеологии. Ср.: «суд рядит», русское «судить-рядить».

Таким образом, Г. Турчанинов усугубил искаженное значение слова «хасэ» – «суда место», сделав «суд рядит». В целом литературный перевод неверный. Вернемся к строке:

И хасэпІри ІуэщхъэцІэщ.

Перевод на русский:

- 1 вариант: И его суда место Ошхаца есть.
- 2 вариант: Суда место верх Ошхаца.

В литературном переводе произведена ненужная в данном случае грамматическая трансформация: введено дополнительное слово «верх». Это добавление было бы оправдано в том случае, если бы структура, предложенная на кабардино-черкесском языке, требовала бы более развернутого выражения мысли на русском, но в данном случае лексико-семантические варианты слов «хасэпІэри» – хасы место и «ІуэщхьэцІэщ» – «Ошхаца» на редкость соответствуют друг другу и не требуют дополнения при переводе.

Однако такие явления (случаи) редки, и это особенно наглядно видно на примере дословного перевода Ш.Б. Ногмова. Вопреки всем различиям грамматических норм кабардино-черкесского и русского языков он стремится переводить непере译имое (Ср.: у автора литературного перевода происходит обратный процесс – он не переводит переводимое, оставляя его в кабардино-черкесском звучании), что особенно затруднительно для переводчика. Ведь в большинстве случаев при переводе с кабардино-черкесского языка на русский предложение не накладывается (русское) на кабардино-черкесское, не совпадает с ним по своей структуре, что тоже вызывает трудности. Часто структура русского предложения в переводе полностью отличается от структуры кабардино-черкесского предложения. В нем другой порядок слов, другое следование частей предложения, часто другое расположение самих предложений – главного, придаточного и вводного. Иногда части речи, которыми выражены предложения на кабардинском языке, передаются соответственно другими частями речи в русском. Эти ошибки Шоры Ногмова порой очевидны, порой же их просто трудно доказать. Подспорьем здесь могут служить диалекты; если иных слов нет ни в одном современном диалекте, то перевод будет очень далеким от оригинала. Пример:

Ар, Іуэщхьэцэ щыгумэ.

Дословный (буквальный) перевод:

О! Ошхаца (на) верхушке.

Литературный перевод:

Наверху горы Ошхаца.

В буквальном переводе по смыслу получается так, что гора Ошхаца находится на верхушке – опять смысл искажен. «Ошхаца» – подлежащее, «на верхушке» – обстоятельство места. Неверно и в переводе художественном: «наверху» – обстоятельство места, «горы» – дополнение, «Ошхаца» – определение.

Неверно передана семантика предложения и в первом, и во втором вариантах. В оригинале смысл таков: «О, вершина Ошхаца!» Следует особо сказать об указательном местоимении «ар». В нашем тексте оно переводится восклицанием, вернее, междометием «О!». Но не всегда местоимение «Ар», которое очень часто встречается в адыгских фольклорных текстах, переводится таким образом. В некоторых текстах оно вообще не переводится. Например, когда речь идет о музыкальном исполнении героических песен нартов, ученый З.М. Налоев считает, что «ар» должно быть опущено [3, с. 16]. А вот что пишет по этому поводу профессор М.А. Кумахов: «... Употребление указательного местоимения «ар» возможно лишь в народной песне, где оно становится фонетическим отрезком, ритмически повторяющимся в каждом стихе в определенной позиции. Ср. также употребление другого местоимения «мыр» – «этот» в иной синтаксической позиции, но в аналогичной функции: «Мыр дигунэ пІиІантІри (Уей жи ар уыдзыпІцІэ кьуальэмэ)» «Наш передний двор (красивый зеленью покрыт)... Наша старая река Баксан «Вся она кипит...» В этом отрывке местоимение «мыр» – «этот», хотя и занимает позицию стилистической фигуры речи (анафоры), грамматически и лексически выпадает из текста. Местоимение «мыр» – «этот», как, впрочем, местоимение «ар» – «тот» («ар уыдзыпІь дахэмэ) и глагольная основа «жи» – «говорить» («уей жи») в этом же отрывке, является фонетическим отрезком, элементом звуковой организации песни, лишенным своего лексического содержания и грамматических связей» [2, с. 30].

Из текста видно, что Ногмову не всегда удавалось дать адекватный перевод поэтическим средствам песни: историзмам, архаизмам, встречающимся в них. Ногмов зафиксировал и передал поэтику устной народной песни в ее традиционной самобытной форме. Но не всегда эта сложная задача удавалась собирателю и переводчику. Этот тезис попытаемся раскрыть, сравнив оригинал и перевод исторической песни «Щихънагъ» («Епископ»).

Итак, какими эквивалентными поэтическими средствами произведен перевод? Как переданы строфы песни, «его поэтические жемчужины» [5]? Здесь не исключаются трудности, связанные с правильным определением поэтики фольклорного текста. Как известно, понятие поэтики фольклора включает в себя в узком значении не только сюжет, композицию, стиль народной песни, но и языковой стиль, рифму, ритмику, такие поэтические средства языка, как архаизмы и историзмы (в широком значении в поэтику включаются и такие компоненты художественной формы, как род и жанр). Мы рассматриваем перевод на уровне поэтического языка. Наша задача в том, чтобы показать, какими поэтическими средствами осуществлен данный перевод, насколько эквивалентен при этом перевод оригиналу:

1. И хасэпИри ІуэщхьэцІэщ.
2. Тхьэ зи къаныр махасэ.
3. ТхьэІухудхэр шохасэри.

Как видим, поэтическая лексема «тхьэІухудхэр» в этих вариантах в литературном *не переводится* вообще:

В *дословном* переводе Ш. Ногмова:

1. И его суда место Ошхаца есть.
2. Бога, который приемником судит.
3. И *ангелы* где совещаются.

В *литературном* переводе Г. Турчанинова:

1. Суда место верх Ошхаца.
2. Суд рядит преемник бога.
3. *Тхаухуд* где обитают.

Существительное «тхьэІухудхэр» в данном контексте имеет эмоционально-экспрессивную поэтическую окраску. Но «ангелы» такой окраски не имеют. Сравните: «О, ангел мой!» – в таком контексте, без сомнения, поэтическая окраска присутствует.

При переводе поэтических изобразительных средств языка с кабардинского на русский устно-поэтической песни переводчику необходимо проявить достаточно высокий профессионализм. Определенную часть устно-поэтической фольклорной лексики составляют историзмы, архаизмы, фразеологизмы, обрядовые термины и специфические фольклорные наименования, проявления которых мы находим в народных исторических песнях. Вот пример:

Къухур уннэгуэ щихуэщ

Кость белая домом воздвигнута
(дословный перевод Ногмова).

Там, где *храм* из белой кости
(литературный вариант Турчанинова).

«Къухур» – архаизм, современная форма: «къупщхьэ хужьыр». Данной архаизм придает тексту выразительность, привлекательность и оригинальность. В целом архаизмы и историзмы в песне «Щихънагъ» («Епископ») придают ей поэтичность. Само же название «Щихънагъ» уже является историзмом и архаизмом для адыгов.

В данном случае поэтическая форма в переводе сохранена, насколько это было возможно. Что же касается семантики перевода, то дословный перевод этой строки неверный:

кость нельзя воздвигнуть домом. Из кости можно построить дом. Не следует забывать, что Ш. Ногмов старался переводить дословно и буквально, как можно ближе к оригиналу.

Но в переводе Г. Турчанинова сделана попытка поэтичнее передать строку, произведя лексическую трансформацию и заменив нейтральное «дом» единицей возвышенной лексики «храм». Произошла лексическая и стилистическая трансформация: в переводе изменилась семантика: слово одного стилистического пласта («дом» – нейтральная лексика) перешло в лексический пласт высокого стиля – «храм». В целом же автор художественного перевода исказил семантику предложения – получился вольный, неточный перевод. Само сочетание слов в данной строке очень необычное, хотя высокий стиль песни позволяет такое построение предложения. Переводчик, видимо, пытался сохранить поэтику текста с помощью слова высокого стиля «храм», но это все же не удалось. Но главный недостаток автора литературного перевода – потеряна фольклорная особенность. Таким образом, не всегда удается передать поэтику текста и сохранить ее.

Имея в виду несколько иное (но и в чем-то типологически тождественное) явление, З.М. Налоев писал, что в подобных случаях «реальное значение слова погашается функцией эмоционального усиления» [3]. Вообще для *поэтического языка*, его реализации характерны существенные отступления от грамматических норм, в частности, норм согласования. И далее З.М. Налоев отмечает: «Но в языке устной поэзии речь идет не только о нарушениях обычных норм согласования, о так называемой анаколуфе – согласовании по смыслу, а о более кардинальных преобразованиях – утрате словом своего значения, его трансформации в звуковой отрезок» [3].

Итак, в результате нашего исследования мы видим, что при переводе фольклорной исторической песни рождается алгоритм данного перевода на трех уровнях:

1. Установка лексико-семантического соответствия, адекватности перевода оригиналу.
2. Определение стиля, культурологического смысла, образующего стилистическую и культурологическую совместимость.
3. Выявление элементов поэтики, а также поэтических средств языка, используемых при переводе фольклорной песни, которые играют немаловажную роль.

Границы их достаточно зыбки и условны. Адекватная мера семантической, культурной и поэтической адаптации перевода находятся где-то посередине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гацак В.М. Проблемы фольклористического перевода эпоса. В кн.: Фольклор. Издание эпоса. М., 1977. С. 81.
2. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М., 1985. С. 30.
3. Налоев З.М. У истоков песенного искусства адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Е.В. Гиппиуса. М., 1980. Т. 1. С. 16, 19.
4. Ногма Ш.Б. Филологические труды. Т. I. Нальчик, 1956. С. 44-46; 47.
5. Лопатинский Л.Г. Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности // СМОМПК, XII, 1891. С. 7.

REFERENCES

1. Gatsak V.M. *Problemy fol'kloristicheskogo perevoda eposa* [Problems of folkloristic translation of the epic]. In the book: *Folklore. The publication of the epic*. M., 1977. P. 81.
2. Kumakhov M.A., Kumakhova Z.Yu. *Yazyk adygskogo fol'klora. Nartskiy epos* [The language of the Adyghe folklore. Nart epic]. M., 1985. P. 30.
3. Naloev Z.M. *U istokov pesennogo iskusstva adygov* [At the origins of the song art of the Circassians] // *Narodnyye pesni i instrumenta'nyye naigryshi adygov / pod red. Ye.V. Gippiusa* [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians (ed. By E.V. Gippius)]. M., 1980. Vol. 1. Pp. 16, 19.

4. Nogma Sh.B. *Filologicheskiye trudy* [Philological works]. T. I. Nalchik, 1956. Pp. 44-46; 47.
5. Lopatinsky L.G. *Zametki o narode Adyghe voobshche i kabardintsakh v chastnosti* [Notes on the Adyge people in general and the Kabardins in particular] // SMOMPK, XII, 1891. P. 7.

ALGORITHM FOR FOLKLORE SONG TRANSLATION AND SOLUTION OF THE PROBLEM OF NATIONAL AND CULTURAL DIFFERENCES

S.M. ALKHASOVA

Institute of Humanitarian Researches –
branch of the FSBSE “Federal Scientific Center
“Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

The article examines the issues of culturological translability of folklore text from Kabardino-Circassian into Russian at three levels, revealing its algorithm. The point is that in the cultures of different peoples, due to the universality and regularity of human thinking, kind of activity, etc., much in the cultures of different peoples is common. It is noted that due to the different habitat, different historical conditions of development, in addition to the general, in the cultures of different peoples, much is specific, belonging to only one ethnic group. This is what constitutes the national culture. The novelty of the research is seen in the fact that the author is looking for ways to solve the problem of transferring and preserving the specifics of national culture when translating folklore from one language to another.

Particular attention is paid to the boundaries of solving the problem of national and cultural differences between the original source language and the target language. It is proved that these boundaries are at three levels of the translation algorithm: the first algorithm is revealed when comparing stylistics and semantic; the second - with cultural compatibility, through cultural and ethnic pre-formation of the work.; the third - with poetic conformity. An adequate measure of the semantic, cultural and poetic adaptation of the translation is somewhere in the middle.

Fragments of folklore texts from the book of Sh.B. Nogma "Philological works" are used as examples.

Keywords: folklore, ethnos, specificity of translation, modern science, Kabardino-Circassian language, poetics of folklore.

Работа поступила 07.07.2020 г.

Сведения об авторе:

Алхасова Светлана Михайловна, д.фил.н., в.н.с. сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН.
360051, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел. 8-928-707-49-15.
E-mail: alkhas55@mail.ru

Information about the author:

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, Doctor of Philological Sciences, leading staff scientist of the sector of the Kabardin-Circassian literature of Institute of Humanitarian Researches – branch of the Kabardin-Balkar Scientific Center of RAS.
360051, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18.
Ph. 8-928-707-49-15.
E-mail: alkhas55@mail.ru